

Сознание: размышление о границах и безграничности

Несмотря на значительное внимание, которое уделяют ученые проблеме сознания, оно до сих пор является источником вопросов.

Описание проблемы сознания всегда было связано с определенной, и нередко, острой, практической потребностью. Именно решение практической задачи требует интерпретации явлений сознания в той или иной плоскости. Так, например, З.Фрейд развивал свою теорию с той целью, чтобы через область таких явлений, которые можно было бы назвать сознанием, объяснить существующие явления человеческой жизни, переживания и решить практические задачи.

Это ему в определенной мере удалось и сознание обрело и закрепило ту структуру, которую предложил разработчик. Именно в сфере этих явлений и работает система представлений о сознании и подсознании, позволяя обогащать наши представления о проявлениях человека, его способности отражении действительности. Опыт закрепил определенные подходы и поставил ряд новых вопросов в контексте данной системы понятий. Это стало сферой психологии, которая достаточно удачно справляется с интерпретацией целого ряда явлений в жизни человека и общества и способна решить ряд проблем, выходя на продуктивные решения.

Однако есть пределы и у такого подхода, что собственно, говорит и о пределах самой науки психологии, несколько не подвергая сомнению ее продуктивность. Поиск и построение новых систем – всегда продуктивны как создание новых форм разрешения противоречий. Психология так же сформировалась как продуктивная тенденция в развитии человеческого знания и область практического решения многих ситуаций. Она дала жизнь системному знанию, распространив его на массовое сознание и тем самым способствовала построению представлений о системах и возможностях управления ими.

В этом виде оно стало основой научного представления о сознании в отличие от религиозных и мистических представлений, которые отличались тем, что не занимались своей собственной оценкой. Они являлись основой практики и были данностью, которую следовало принимать, а не критиковать.

Сознание связано с опытом. И, безусловно, надо отметить, что в культуре существует существует значительное разнообразие такого опыта, а значит, и разнообразие форм сознания. Думается, что они показывают богатство человеческой жизни, и, одновременно, усиливают необходимость нахождения некоего интегрального представления о сознании, которым можно было бы оперировать, не впадая в большие ошибки. И речь идет не просто об обширности представления, но о его функциональности, что позволяет выявить его качества и использовать их в процессе развития. Такой подход свойственен научной традиции, позволяющей изучать феномен сознания, а не просто его фиксировать или описывать.

В истории науки существует актуальный и до сих пор нерешенный вопрос о первичности и вторичности материи и сознания. Он различными философскими школами решается как бы с двух концов, отдавая приоритет либо материи, либо сознанию и создавая тем самым разные тенденции в развитии знания.

Если этот вопрос не ставится таким образом, то есть не помещать эти понятия в подобное иерархическое соотношение, то многое изменяется.

Противоречивость уходит и напряженность утверждений понижается. Вполне удовлетворительным становится заключение, что эти два понятия системно взаимосвязаны, что, собственно, и было доказано самой историей длительного и драматического поиска ответов на эти вопросы. Данные понятия – материи и сознания – надо понимать не в противопоставлении, не как конкурирующие, а как моменты взаимосвязей в системе природы, что, заметим, сам же человек и выделил, сфокусировав на них свое внимание. Другими словами, реальность, объективность существования обоих явлений, выраженная в понятиях, вполне доказуема, но точность самих понятий – относительна, поскольку включает в себя человека, субъекта как явление этой же системы.

Дальнейшее использование этих понятий через их противопоставление, как можно полагать, непродуктивно, как в науке, так и массовом понимании. Они чаще заводят в тупик, чем позволяют справиться с какой-либо практической или теоретической задачей. А если понять их как системные, взаимосвязанные, то индивид, носитель таких представлений, способен перейти к совершенно другим проблемам. Он приступает к работе на новом уровне с новым классом проблем. Более того, он и сам оказывается в новом, более адекватном соотношении со своей природой.

Так, перестав противопоставлять сознание материальному, понимая, что все находится во взаимосвязи, он перестает испытывать напряжение. Он уже не связывает свои перспективы развития с тем, правильным или неправильным представлением он пользуется. У него складывается новый по своему характеру опыт.

Проблема сознания связана с его носителем, как бы ни было абстрагировано это понятие от конкретного индивида. Человек учится использовать свои способности сознания. Он через собственный опыт знает, что самоосознание позволяет соответствовать системе взаимоотношений, воспроизводить привычный для себя культурный мир, без которого он не сможет существовать и сохранять себя как систему подобного уровня сложности. И если говорить о границах и безграничности сознания, то надо разбирать вопрос о границах и безграничности самого носителя, то есть системы. Человек имеет определенные границы. Но есть феномены проявления его безграничности.

Человек, индивид как система, безграничность и границы его проявлений. – Вопрос некорректен, если его не рассматривать в континууме, целостной системе, органическим элементом которой он является.

В определении сознания, что оно является формой развившейся – а может быть, развивающейся – материи наблюдается именно такое системное взаимопроникновение. Отсюда может взять начало новая тенденция, когда при помощи этих предельно абстрактных понятий складывается представление о модели саморазвивающейся целостности. Тогда всякое конкретизирование предстанет как ответ на практический запрос, на необходимость решения ряда практических задач, где допускаются некоторая фиксированность. Но важно то, что возникнет возможность вообще избежать крупных противопоставлений, разделений, например, души и тела, и сформируется понимание, что такое разделение носит практический, чисто познавательный характер. Он, в частности, характерен для картезианского, механистического представления о мире, которое является практически общепринятым стандартом для понимания мира.

Становится понятным также, что углубление, **фетишизирование** этого разделения несет в себе риск, а также глобальную в последующем проблему связывания этих понятий, нахождения между ними соответствия, взаимозависимости. На это потребуется немало усилий, но эффективность таких поисков определить трудно.

В науке разрабатывалось и такое представление о сознании, где оно понимается как отражение. Сознание как форма отражения в каждой действующей системе может быть понято как некоторый вариант приспособления носителя сознания к освоению окружающей действительности. Понятие “отражение” здесь может быть наиболее адекватным. Возможно предположить, что сложность этого процесса отражения формировала возможности сознания, расширяя его пределы и практическую значимость для индивида. Последняя выражалась в способности саморазвития и согласованности. Очень близко отражает эту способность понятие “автопоэзиса”, фиксирующее в отличие от “отражения”, не только характер процесса, но и его результат. Как утверждают исследователи, этот процесс самонастройки характерен для всех уровней развития природы, что дает некоторым основание видеть в природе даже на самом простейшем уровне развития проявление сознания.

Думается, что это все же не то явление, с которым мы встречаемся в современном мире. И даже не его маленькая частичка. Это только возможность, которая у человека – на этом уровне существования системы – развилась в качественно новое состояние. Автопоэзис, отражение проявляли себя как механизмы формирования биологических систем, несущие в себе принципиальные возможности появления сознания, а также некоторый функционал, который выполнял практическую часть – отражал, снимал в себе, обрабатывал свойства действительности.

Сознание можно понять как гибкий функциональный орган, не обремененный такими феноменами, как химическое и физическое проявления, который прошел, соответственно, свои этапы развития, но связан с этими материальными формами жизни. И он – орган – способен и дальше наращивать свою практическую продуктивность. Как можно полагать, такие функциональные органы у биологических систем, как ножки, усики, другие формы тестирования окружающего мира, имеют предел и невысокую практическую эффективность. В природе сформировались и другие функциональные приспособления, которые смогли решать более сложные задачи.

По мере усложнения материальной базы приспособления к миру, функциональный орган – сознание стал наращивать и свои возможности. Он поддерживал и развивал в каждом отдельно, специализированном органе автопоэтические процессы, тенденцию саморазвития. Но, в то же время, сознание не было адекватно каждому из этих отдельных органов. Каждый из них решал задачу приспособления на своем локальном участке, сознание же не имело способности разделяться.

Функциональные возможности сознания проявили и закрепляли тенденцию, связанную с сохранением целостности. Возможно этим продиктована и такая “нетелесная” форма, поскольку материальные, физические и химические формы не могут решить подобной задачи. Чтобы связывать воедино структуры такого типа, требуется достаточно много энергии. Связи оказываются не достаточно сильными, чтобы сдерживать напряжение, протекающее внутри материальной, пусть и маленькой структуры.

Конечно, в процессе автопоэзиса, самоорганизации система выделяла свои ресурсы на формирование более сильных внутренних структур. Но они все-таки были специфическим, специальным образованием, хотя и служили сохранению целостности. На каком-то этапе связи могли перерасти в границы, а целостность могла оказаться мозаичной. Требовалось возникновение такой формы сохранения целостности, которая не несла бы в себе этих рисков раздробления целого на части. И чтобы она смогла выдержать существующее внутри целого организма напряжение.

Сознание и стало тем органом, который решает задачу целостности за счет обращения ее к самой себе. Это характерно для автопоэтического процесса, просматривается в функции отражения и на каком-то этапе смогло выделиться в самостоятельную функцию. Возможно, что определенные практические задачи приспособ-

собления потребовали акцентирования, усиления данного свойства, которое постепенно стало существовать как специфическая функция и обслуживать потребности целостной системы.

Таким образом, возникает феномен взаимодополнения, который был весьма продуктивен для процесса развития. Если все другие – материальные – формы приспособляются через разные и все более изощренные механизмы отражения внешнего континуума, то сознание тем временем направлено на отражение целостностью самой себя. Здесь воспроизводится феномен автопоэзиса, когда ценность сохранения целостности становится ведущей, ибо в ином случае исчезнет носитель способности приспособливаться.

Получается, что сознание – это одна из форм приспособления, которая позволяла остаться системе целостной, самостоятельной. Оно допускает появление любой частной способности, но при этом всякий раз испытывает напряжение, **оценивая** свою самостоятельность. Традиционно сознание несет именно это качество, заставляя человека вопрошать себя о своей ценности, значимости.

Кроме того, сознание, интегрируя в себе все необходимые качества практического приспособления к жизни, всегда поддерживает **открытость** системы. Не имея жесткой привязки к материальной форме существования, обладая своими специфическими способностями, она может выдержать появление значительного количества новых свойств целостности. То есть она может справиться с возрастающей нагрузкой производя каждый раз оценку целостности, сравнивая старые и новые свойства, обнаруживая их взаимосвязь.

Надо заметить, что это не такая уж фантастическая возможность и осуществляется она вполне традиционным образом, через физиологические системы восприятия: визуальные – через глаза, аудиальные – через уши и проч. Важно, чтобы они могли быть обращены на самого себя. Так формируется целостный образ, который удерживается в сознании и выполняет свою функцию сохранения целостности.

Сознание имеет свойство наращивать свои собственные способности оценки. Особенно в том случае, если внешние условия жизни предоставляют такую возможность. Так, например, использование зеркала, отражающего индивида, делает более сложной всю систему оценки, которая, закрепляясь в опыте, затем используется постоянно. Система, носитель сознания, становится более открытой, сохраняя при этом свою целостность и, одновременно, имеет расширенные возможности решать практическую задачу приспособления к миру. Причем, чем сложнее система, тем сложнее ее связь с миром.

Сложная система адаптирует себя к миру, стремясь сохранить свою целостность и сложность. Она уже не упрощается, не подстраивается под те условия, которые у нее есть. Она стремится проявить всю свою сложность и ищет, или даже – создает, соответствующие условия. Эту особенность можно рассматривать как предпосылку возникновения специфической культуры развития систем подобной сложности. Возможно, что человек относится к этому ряду систем, имея очень сложный механизм отражения окружающего мира.

В результате можно сделать следующий вывод. Как было замечено ранее, сознание способно выдерживать более сильные нагрузки, чем физические и химические формы систем. Именно поэтому оно и не имеет конкретных носителей, но всецело с ними связано, поскольку поддерживает их интегрированное состояние. И поскольку сознание выполняет столь важные функции, его можно рассматривать как специальный функциональный орган, присущий каждой развивающейся системе. Если сознание сохраняет целостность некоторой системы, то значит у сознания есть определенный носитель – сама эта целостная система. Индивид, а шире – субъект, и является такой, хотя и не единственной, целостной системой. То есть человек – это

носитель сознания, которое обслуживает его потребности самостоятельного и целостного развития.

На определенном этапе существования у человека появился интерес к своей собственной способности воспринимать мир, столь ярко отличающейся от других – физических способов реакции на среду. Удовлетворение этой потребности положило начало когнитивному процессу, в рамках которого само сознание стало представляться как самостоятельное и даже изолированное от тела. Более того, тело и сознание начали противопоставляться. Это вообще–то характерно для процесса познания и было ярко выражено в картезианской традиции, сформировавшей соответствующий подход к пониманию природы сознания и определившей, естественно, представление о сознании и у самого человека. Сознание как функциональный орган, выполняя все свои регулирующие функции, сохранявшие целостность системы, представлялось совершенно загадочным свойством организма.

Но если не смешивать особенности когнитивного процесса, требующие выделения познавательных объектов, с онтологией, бытием этих самых объектов, то тогда не будут появляться неразрешимые вопросы. При системном подходе станет несложным представить, что сознание есть способ саморегуляции системы на основе накопленного в процессе филогенеза опыта. В опыте человек также познает, но эти знания более гармоничны для его жизни, многократно пропущены через практику поколений и не столь сильно зафиксированы на противоречиях как в специальном познавательном акте.

Учась познавать, человек учится управлять возможностями своего сознания. Возникает потребность создания общего представления о той способности, которая ярко проявляется у человека. Сложилось представление о сознании и подсознании человека, позволившее решить много практических психологических проблем. Его продуктивность основывается на том, что выделяется определенное содержание сознания – то, к чему человек обращается для использования в практике, то, что он должен извлечь из накопленного опыта для решения актуальной задачи. Все неактуальные знания, опыт, незапрошенный человеком, остаются в подсознании. Традиционно областью подсознания стали называть то, что не лежит на поверхности, то, чем можно воспользоваться, преодолев предварительно какие–либо пороги. Но надо заметить, что эта структура, выстроенная З.Фрейдом, иерархична и также тяготеет к конфликту между категориями сознания и подсознания.

Решить эту проблему можно, выйдя из этой иерархической системы понимания. Вполне содержательно и продуктивно представление о том, что сознание развивается на основе автопоэтического структурного опыта человека и может быть столь же разнообразным в своих проявлениях, как и опыт.

Речь, конечно идет о совокупном опыте всех членов человеческого общества, выражающих в совместных действиях тяготение к той или иной практике, накоплению того или иного опыта. И в этом контексте интересен вопрос о возможностях человека, о способности сознания работать по накоплению опыта человека.

Другими словами, можно задать вопрос, существует ли граница таких возможностей и каковы горизонты, как далеко простираются эти возможности человека? Думается, что ответ на этот вопрос связан с представлением о свойствах самого человека, поскольку сознание как функциональный орган обслуживает его интересы, сохраняет возможность его целостного существования как открытой системы.

Сознание, а точнее, самосознание, способно усилить практический эффект деятельности человека. Она объективирует усилия человека, реализует его ресурс. Это не столько данность, сколько создаваемость, которая каждый раз человеком воспроизводится. Современный человек осмысливает свое сознание как инструмент. С его помощью человек строит представление о мире и о самом себе. И, конечно, опираясь на свое сознание, человек не может исчерпывающе узнать о своих возмож-

ностях. Не может потому, что сам этот процесс создает новые реалии. Человек для себя всегда принципиально нов.

По существу, человек как самоорганизующаяся структура всегда является границей для своего собственного сознания. Но границей, постоянно отодвигающейся и превращающей открывающуюся перспективу в бесконечность. Собственно, все развитие сознания связано с особенностями развития системы “человек”, с опытом его коммуникации в целостном континууме, т.е. выстраиванием взаимоотношений как с внешним миром, так с собственными внутренними структурами.

Граница. Человек носит в себе и с собой свою границу с миром. Человек, вся его система, начиная с биологического уровня развития все время занята делом: она сотворяет границы для того, чтобы их преодолевать. Эта изначальная автопоэтическая деятельность способствует выделению себя из целостного мира, рождает опыт дистанцирования от общего континуума и создания новых специфических связей.

Преодоление границ можно назвать постоянным коммуникативным процессом как и вообще все существование индивида. Коммуникативное состояние, путь определенным образом отражается в его сознании, рождая внутреннее напряжение. Рефлексия, развитие коммуникации с самим собой – вопрошание и ответствование – становятся особым видом коммуникации, творящим в индивиде все новые границы. Они становятся внутренним делением и способствуют рождению **опыта преодоления**. Опыт такого рода наполняет особым содержанием достаточно стандартные коммуникативные акции.

Можно заметить, что опыт деления, рождения границ адекватен ситуации, существовавшей на этапе развития и укрепления материальных структур, когда в конце концов сами объединяющие связи стали играть роль разделителей. Теперь этот структурный процесс обозначился в опыте человека, на уровне его самосознания.

Человек через самоосознание представлен самому себе не как целостное, но как дифференцированное существо. Сплошное, неразграниченное континуальное пространство человеку не может быть представлено, поскольку он прибывает внутри него, не отражая его в себе как нечто внешнее. Но лишь только возникает дистанция или даже попытка, сама потребность дистанцироваться, исходящая из внутреннего чувства меры, насыщенности бытием, возникает ощущаемая, осознаваемая граница. Сразу же появляется новый работающий фактор – оценка. По существу, это оценка всего того, что выше меры, что выходит за ее пределы. И нередко данная оценка отражает перегрузки, фиксирует все как негатив, что, соответственно, ведет к появлению защитной реакции.

В этом связанном механизме “насыщения – дистанцирования – оценки – защиты”, отразившем стремление к свободе, отделенности от целого и порождающего одновременно ограничителя, проявляется логика развития человека. Разграничение снимает в себе естественное чувство меры, проявляя на новом уровне саморегулирующуюся способность биосистемы – ее онтологическое свойство.

И это разграничение является человеку в моменте его дистанцирования. То есть, можно сказать, что человек воспринимает себя дифференцированным. Его целостность является для него желаемым, но практически недостижимым состоянием. Через сознание она представляется для него в некоторой частичности. И это, по всей видимости, не просто момент восприятия, но особенность существования его природы. То есть, в индивидуальном восприятии проявляется форма самой объективности.

Другими словами, человек тяготеет к целостному восприятию, к гештальту, создавая целостность из представленного для него дифференцированного материала. Здесь и проявляется на индивидуальном уровне способность сознания удерживать целостность. А сформировав целостность, человек только укрепляет возникшие границы, делает их для себя более реальными и значимыми.

Так всякий раз человеку приходится иметь дело с плодами дел своих, с результатом удовлетворения своих собственных потребностей или – с эффектом роста самосознания. Однако, опыт такого, поистине изнуряющего, пути не останавливает человека. Он продолжает ощущать потребность осознавать действительность и себя в ней, но при этом должен искать новые методы преодоления границ, превратившихся его стараниями в мощные структуры, традиции оценки и понимания окружающего мира и самого себя.

Потребность эта может быть удовлетворена в голограммном, лазерном способе схватывания действительности, когда есть и часть, и целое, которая в этой части отражается. Это новое по своим методологическим основаниям системное мировосприятие, которое адекватно самому естественно протекающему процессу развития.

Возможность научиться преодолевать внутренние границы обеспечивается хорошо сбалансированными отношениями правого и левого полушарий головного мозга, способных дать единый образ специализированных функций организма.

Интересно отметить, что несмотря на целостность реакций человека, полушария головного мозга значительно дистанцированы друг от друга. И одно из них по отношению к другому выполняет своеобразные формообразующие функции. Так, эмоциональное – правое (чаще всего) полушарие, формирует целостный образ, а логическое – левое (как правило) его структурирует, оценивает. Нервные, психоэмоциональные процессы проходят тот же путь, который характерен для всего автопоэтического процесса. Реальная межполушарная дистанцированность является собой постоянную границу, которую постоянно приходится преодолевать по очень скромному физиологическому органу – мозолистому телу. Но оно, как можно полагать, только “материальная часть” этого процесса. Существуют еще и процессы синхронизации, которые усложняют картину этого межполушарного взаимодействия. Однако и они являются необходимыми. И дистанцированность полушарий здесь является и причиной, и следствием возможностей синхронизации.

Полушарие, которое способствует порождению границ, можно назвать формообразующим. Оно оценивает информацию окружающего мира, “дешифрует” внешний континуум, наполняя имеющиеся структуры новой информацией и одновременно сравнивает ее с информацией правого полушария, облекающую полученную порцию с прежней в единое целое. Здесь, по всей вероятности, и совершаются в большом объеме циклические процессы, о которых писал А.П.Анохин, выявляющие полезные, продуктивные для системы сочетания.

Как полагает Матурана “Нервная система человека не обрабатывает никакой информации (в смысле готовых дискретных элементов, существующих во внешнем мире и предназначенных для сбора их когнитивной системой), но взаимодействует с окружающей средой, непрерывно модулируя свою структуру. Более того, нейробиологи обнаружили неоспоримые свидетельства того, что человеческий интеллект, человеческая память и человеческие решения не всегда полностью рациональны, но всегда окрашены эмоциями, как мы хорошо знаем из собственного опыта. Наше мышление всегда сопровождается телесными ощущениями и процессами. Даже если мы часто склонны подавлять их, мы всегда мыслим также с помощью своего тела; и, поскольку компьютеры не обладают подобными телами, воистину человеческие проблемы всегда будут чужды их интеллекту.”

Можно предположить, что таким образом порождается индивидуальный континуум, где границы – его естественное явление. В некоторых областях за счет интенсивного развития границы как бы “напластованы” друг на друга и создают новое по своим качествам образование. Например, в мозге – кору. Она, имея в целом повышенную плотность, но разнокачественные характеристики внутренних, межграничных пространств, является областью, где нервному сигналу приходится “пора-

ботать”. Здесь могут пройти только очень сложные колебания, с высокой способностью модулирования, переключения, которые требуют одновременно значительного напряжения.

Технология прохождения по этой “коре” требует умения быстрого и гибкого переключения из одного качества в другое, с одного пространства, в другое, заключенное между границами. Быстрые колебания, быстрые шаги по разнокачественному пространству. Специализированные колебания настраиваются, модулируются под эту разнокачественность.

Заметим, что для человека как системы это серьезная нагрузка. Но он одновременно оказывается защищен от других сигналов. Столь сложноорганизованное пространство уже сама по себе представляет преграду для неспециализированных внешних возмущений, колебаний и возбуждений более простого, низкого уровня организации. Такие “простые” возбуждения, будут давать другой эффект. Они будут проходить мимо “коры”, которая способна их “не замечать”, не реагировать на них, быть прозрачной и даже как бы отсутствующей. Организм человека оказывается не просто совокупностью разнокачественных биологических, психологических и ментальных функций. Он, живя как биосистема, опирается при этом на функции, пронизанные единым свойством реакции на высокомодулированные, гибкие сигналы, которые вписаны в филогенез человека.

Таким образом, складывается способность адекватного отзыва. Континуальность индивида активируется в ответ на соответствующие коммуникативные предложения, исходящие как от собственной персоны, так и от внешних источников. “Улитка” саморефлексии не просто закручивается все туже и туже, но создает новое пространство, где самоорганизация воплощается в наиболее изощренном варианте. Синкретический процесс аутокоррекции характеризует человека как мощнейшую балансирующую систему, которая воплощает собой пространство действующих законов синергетики, необходимость постоянного переключения, колебания, совершенная процедура самоотчета.

Таким образом, сознание человека приобретает особые характеристики. Оно объединяет в целостность как функциональный орган такие многофакторные явления и одновременно, открывает перспективы освоения во внешнем целостном континууме новых областей природы. Человек имеющий столь надежный функциональный орган как сознание, найдет, в чем реализовать свою сложность. Хотя, конечно, надо знать, что некоторые индивиды смогут осуществлять это достаточно свободно, другие будут иметь сложности в прохождении тех или иных этапов.

Необходимо также заметить, что человек в природе стал играть формообразующую роль. Он создал свою – человеческую – культуру и свою экологическую систему существования. Ноосфера – это его ниша, где все пронизано человеческими свойствами. Теперь перед человеческим сознанием стоит задача сохранения своей ниша, своей природы, выход на сбалансированные формы существования. Они должны заменить эксплуатационный подход к себе и к природе наиболее продуктивный, содержащий опыт восстановления. Несмотря на то, что это очень трудная задача, она посильна сознанию человека, способного создавать и сохранять целостность.

Это вполне вписывается в картину фрактального процесса, системного, синергетического понимания природы.

Несмотря на значительное внимание, которое уделяют ученые проблеме сознания, оно до сих пор является источником вопросов.

Описание проблемы сознания всегда было связано с определенной, и нередко, острой, практической потребностью. Именно решение практической задачи требует интерпретации явлений сознания в той или иной плоскости. Опыт закрепил определенные подходы и поставил ряд новых вопросов в контексте данной системы поня-

тий, поэтому поиск и построение новых систем – всегда продуктивны как создание новых форм разрешения противоречий. И речь идет не просто об обширности общего представления, но о его функциональности, что позволяет выявить его качества и использовать их в процессе развития. Такой подход свойственен научной традиции, позволяющей изучать феномен сознания, а не просто его фиксировать или описывать.

Проблема сознания связана с его носителем, как бы ни было абстрагировано это понятие от конкретного индивида. Человек учится использовать свои способности сознания. Его можно понять как гибкий функциональный орган, не обремененный такими естественно–природными феноменами, как химическое и физическое проявления; но который прошел, соответственно, свои этапы развития, и связан с этими материальными формами жизни. Сознание как функциональный орган способно и дальше наращивать свою практическую продуктивность.

Сознание стало тем органом, который решает задачу целостности человека за счет обращения ее к самой себе. Это характерно для автопоэтического процесса. Кроме того, сознание, интегрируя в себе все необходимые качества практического приспособления к жизни, всегда поддерживает **открытость** системы. При этом, надо заметить, человек носит в себе и с собой свою границу с миром. Человек, вся его система, начиная с биологического уровня развития все время занята **делом**: она сотворяет границы для того, чтобы их преодолевать. Эта изначальная автопоэтическая деятельность способствует выделению себя из целостного мира, рождает опыт дистанцирования от общего континуума и создания новых специфических связей. По этой сети и продвигается человек в дальнейшем своем развитии.